

А Л Е К С Е Я

Был у меня на фронте связной Валега. Настоящая его фамилия была Вологов, но знали его все Валега. Это был маленький, сумрачный, очень молчаливый двадцатилетний алтаец. Делать он умел все, терпеть не мог безделья и в ко мне, многого не умевшему делать, относился, как строгий отец к безалаберному сыну. А старше его я был на пятнадцать лет.

Проводили мы с ним лето, всего четыре месяца — апрель, май, июнь и неполный июль 1944 года. На юге Украины, затем в Польше. И очень сдружались. В Люблине я был ранен, попал в госпиталь. На этом и кончилась моя война. Валега пришел ко мне в медсанбат познакомиться и с тех пор я его не видел. Годы через два, встретившись со знакомым командиром, узнал, что Валега был ранен на Сандомирском плацдарме, но дальнейшая его судьба никому неизвестна.

В повести «В окопах Сталинграда» я «вывел» Валегу в качестве связанного лейтенанта Керженцева; фамилию и прозвище сохранил настоящим. Другим героям фамилии изменил — для большей свободы действия, а его сохранил в тайной надежде, что повесть когда-нибудь будет написана, попадет в руки Валеге (я почему-то верю, что он жив) и может быть мы опять встретимся.

Но этого не произошло. Валега спит? А может, и погиб?

Потом по повести был поставлен фильм «Солдаты». Там тоже есть Валега. Играл его (очень хорошо, хотя, конечно, никто и не знал, кто он видел) Юра Соловьев, тогда, в 1956 году, выпускник ВГИКа.

Еще три года спустя в «Новом мире» (№ 12, 1959) я напечатал некое размышление под названием «Три встречи». В нем шла речь о «трех» Валегах — живом, книжном и киношном, воссозданном Соловьевым.

Я пытался разобраться, кто из них был мне ближе. Но заслонили ли два последующих деревю, всем делшного.

Не буду пересказывать содержание «Трех встреч», позволю себе только привести несколько строк из моего последнего абзаца:

«Кого же из этих трех Валег я больше люблю? Живого ли, но чуть-чуть уже потерявшего четкость очертаний (а как хотелось бы их восстановить, встретившись с ним сейчас, тридцатилетним отцом семейства), или книжного, в котором нас обвила сложная выдумка или совсем молодого читателя, которого где многое уже зашло в ое мняю? Кого же?»

На этот вопрос нелегко ответить. Думаю, гадаю, а ответ все один — Валегу».

Прошло двадцать два года с тех пор, как мы разстались с Валегой в медсанбате на окраине Люблина. За это время успело уже вырасти новое поколение, о войне знающее только по рассказам, книжкам и фильмам. Наверное не всегда достоверным. А старые друзья? «Иных фронтане, а те далекие». Те, с кем все же свела последняя судьба; как и я, постарели, поседели, посмеевля, а кто и вальдочки посявиея. А Валега?..

Валега смотрит на меня «словесными глазами» с фидальной групповой фотографии из фильма «Солдаты» — серьезный, собранный, аккуратный, рядом с Фарбером, Чумаком, Седых, санитарструкторшей Луюей, и слышу я голос Керженцева — последние слова фильма: «Где вы сейчас? Живы ли вы, друзья? И взглядаююсь в ваши лица и стараюсь представить, как выглядите вы сейчас. Подумать только — Валега Седых, ведь вы уже за тридцать, жились, деткины растут. И ходат они уже, вероятно, о школу и пишут каркулями на косых линейках: «миру — миру! Счастливые, они не видели, не знают войны. Пусть же они ее никогда не узнают!»

И вот настал декабрь 1966 года. Я в Москве. Делаю сценарий для документального фильма о далекой Аргентине, в которой никогда не был.

Как-то возвращаюся со студии, и мне сообщают: «Робе звонили из Киева. Говорят, размыкают тебе какой-то твой связной. Через миллионю...»

Вот это да... У меня было два связанных — Титов в Сталинграде, потом Валега. Кто же из них? Звоню в Киев... Да, звонили из 1-го отделения милиции. Какой-то Вологов Михаил разыскивает. Хочет узнать адрес. Но милиция без моего разрешения не дает. Как быть?

Прошу через милицию узнать его адрес и дать мой. Через час я уже зальюю адрес: станция Бурла, от алтаецкого ярыя — ул. Пушкина, № 59-я, Вологову Михаилу Ивановичу...

Бегу на телеграф... Пысылаю телеграмму, затем письмо. Вскоре — о, чудо! — почта почувствовала, постаралась, потопорнилась — получаю ответ. Не могу не привести его полностью:

«Дорогую и любящую другу Некрасову Виктору Платоновичу, бывшему капитану по строевой части 83-го отдельного саперного батальона 79-й гвардейской стрелковой дивизии с самым наилучшим чистосердечным приветом к вам Вологов Михаил Иванович, ваш бывший связной 1944 года. Виктор Платонович, прошло столько времени после того, как мы с вами расстались в 1944 г. под Люблином. Я сейчас не найду слов, с чем начать. Во-первых, я вас, Виктор Платонович, благодарю, что вы так скоро отзывались. Это все произошло так просто, что мне даже самому не верится. Когда я вас проводил в медсанбат, то после вас я тоже недоделго воевал. Вяля Луюей, феррировалю Вислу, и был я под Варшавой ранен. Вяля арталет и меня равило в левую ногу в колесо. Это было 9 августа 1944 года. Выл я в трех госпиталих, домой пришел 4 января 1945 года. Жил в Январале до 1950 года, а потом выехал в Бурлу, где и в настоящее время живу. Работая в коммунальном отделе столярим, живу у меня богатая. Вяля Елена, старший сын Анатолий, женат, работает шофером в совхозе, жена его — Ранса, учительница и учится в педуничище. У них два сына — Сама, ходит в 1-й класс в Валега, ему всего один год. Дочка наша Галочка с 1947 года и зять Виктор с

1944 года — агроном, сейчас в армии. У них дочка Танюша год и 2 мес. Живут они у его родителей в Кюрасх — 100 км от нас по жел. дороге. С нами дочка Нина 1950 г., ученица 10-го класса и сын Борис 1952 г., ученик 8-го класса. Вот это моя семья. Три внука — три раза дел по бороде еще нет. Вот. Виктор Платонович, они, дети, и заставили вас размыкаться. Все говорят — папа, расскажи да расскажи, а я говорю: «Была у нас команда, жив или нет сейчас, говорю, не знаю, только знаю, что он с Киева». У нас был разговор за вас, за фронт, и я знал только, что вы с Киева, а отчество забыл. Это ваш дочка Нина нашла, и так быстро все полуились, что я и сам не пойму. Она хотела в архив, в Москву, а послала в Киев. Теперь узнали все подробно.

Коротенько о себе. Живем мы на станции Бурла, теперь это уже район Бурлинский, Новосибирской области. Живу в своем дому и живею, так сказать, наполовину — вперед не бежим и назад не отстаем. Вы, Виктор Платонович, тоже сообщите, как вы живете, и вышлите свое фото. Я вас представляю, но ведь это было давно и не мшировое время. Какую у вас злобую и как рука у вас сейчас? В какую вы были ранены? И как зовут вашу мамашу, сколько им лет, живете в казенном или в своем доме? Высылаю свое фото — снимался в 1965 году. Был мне 41 год. Теперь уже 42, пошел 43-й. Но еще так хорошо. Ну вот пока я все, заканчиваю писать. Извините, что я вас побеспокоил, но что меня заинтересовало, то это ваша давняя простота. 22 года прошло, 22 раза обняю, 22 раза целую. Я живу вашу правую руку. Я живу бывший связной Вологов Михаил Иванович. До свидания, 5 декабря 1966 года».

К письму была приложена фотография. Да, не двадцать лет, хотел уже сорок третий... Но чубчик, засечанный наезд, тот же и глаза те же, охотничьи. Брови сдвинуты, две морщинок от них вверх, ко лбу, так и кажется, смеяет сейчас: «Ну вот, товарищ капитан, опять не узнали! Довесие успевает подем написать, полондет ваш движжер, не умрет...»

Я тоже послал фотографию. Валега сразу же ответил: «Очень и очень благодарим за фото. Жена спрашивает: похот ли? Только глянула и сказала — да. Уснее же же самые. Но время прошло очень много, конечно, немного в постарел. Но все же я вас представляю».

Не без трепета послал я ему и книгу. А вдруг обидится? Ведь в Сталинграде он был вовсе не связным, а рядовым бойцом в саперном батальоне. А я никакой писателью властью. Эв еще не сменил фамилии, превратил его в сталинградского ординаря. А вдруг друзья на смех подумут: «Говорим, воевал, мины ставил, а командир вот твой пишет, что вовсе в услужении был...» Нехорошо как-то. Но нет, не обиделся.

Мы всей душой вас благодарим за вашу скромную посылочку с книгой о том, как мы с вами вместе были на фронте. Можно почитать я кое о чем вспомнить, особенно о Митюсове и Луюе. А мой сынишка,

Боря, отбирает книгу у всех и сидит читает, а за вопросом ходит ко мне и спрашивает: «Папа, а вот кукурзуния — какой самолет? А я ему говорю: — не спал всю ночь, как и мы, бомбил, а мы минировали, ходили за язьюком». И дальше: «Вот вы, Виктор Платонович, пишите за мои пельмени и картошку в мушкетера: так все смеюсь надо мной, а ведь это была сухая правда. Все было так, только нужно подумать и представить».

И кончат письмо: «Я бы хотел, чтобы вы приехали к нам на Алтай. Отведать нашего хлеба и соли. Хотя бы на минутку. Хоть на картошку, хоть на пельмени, хоть на окрошку, а все равно мы соберем вместе. Посидим, поговорим, поинтересный выпьем...»

А в одном из последующих писем (посмотрев уже «Солдаты») приглашает вместе со мной в Юру Соловьова. Увы, пока это еще не осуществилось. Дела, болезни, расстояния...

Но встреча будет, я верю, я знаю. И обязательно вместе с Юрой.

«Книжный» и «киношный» Валега говорит — Керженцу».

— Когда кончится война, я поеду домой и построю себе дом в лесу. Бревичатый. Я люблю лес. И вы придете ко мне и проживете три недели. Мы будем ходить с вами на охоту и рыбю ловить.

Керженцев улыбается: «Почему именно на три недели?»

«А сколько же? Вы больше не сможете. Вы будете работать. А на три недели придете... У нас хорошие лесозаготовительные машины, кан-одесь. Самы уйдете. И пельменями: вас угощу. Я умею делать пельмени». По-особому, по-нашему...

Тогда же самым мне говорил «книжный» Валега: «И я теперь отшил пельмени? Дом у Валега; правда, не в лесу, а в голей степи, и вяд ли мы будем ходить на охоту, да и охотник я, откровенно говоря, неважный, и рыболот тоже, но не за эти я поеду...»

«Керженцев лежит во дворе сталинградского дома на пельмених; атаки живы и долго не может заснуть. Войны в Сталинграде еще нет. Рядом с ним в двух шагах лежит Валега, свернувшись комочком, прикрыл лицо рукой».

И Керженцев думает:

«Маленький, круглоголовый мой Валега! Сколько исходила мы с тобой за эти месяцы, сколько минали сыли на одного нотелма, сколько ночей провели, завернувшись в одну плащпалаточку... Привык я к тебе, лоупому, четковски привык... Нет, не привык. Это не привычка, это что-то другое, гораздо большее. Я никогда не думал об этом. Просто не было времени. На фронте, у окопешлюек... по-настоящему (Дальше всякие мысли о войне, о людях на войне)... Силы, сна, лоупый... Скоролия окопы, опять бесконечные ночи. Валега — тудал Валега — судя! Дрышки пока. А кончится война, останемся живы, придумаем что-нибудь».

Вот и кончилась она, и куда — мы, счастливцы живы. И придумаем что-нибудь. А она скажу, как Валега, — 25 лет уже прошло, 25 раз обнимаю, 25 раз целую тебе. До скорой встречи, четвертой, самой счастливой...
КНИЖНИК